

Госпожа Тан приняла листок, бегло просмотрела его и в изумлении воскликнула:

— Рыщут повсюду в городке, словно что-то вынюхивают. Что это значит? Неужели они тоже явились за той вещью?

Тан Гун насмешливо хмыкнул:

— Не будь этого письма, я бы ещё сомневался. Но оно разоблачает личность сына графа Юнфэна, и, как ни странно, это лишь снимает с них подозрения.

Госпожа Тан не поняла:

— Почему же?

— Дворец Хранителей Бессмертия во главе с Пэй Сюнцзи одержим идеей прорыва на уровень Боевого Бога, чтобы достичь мнимого бессмертия. Они ведут себя как истинные небожители, почти помешались на этом. Пэй Юаньцзинь — сын Пэй Сюнцзи, они одного поля ягоды и ни за что не стали бы водить дружбу с заурядными отпрысками чиновников. Тот, кто писал это письмо, вероятно, прослышал о странностях в нашей усадьбе и решил, что это дело рук врагов. Не зная правды, он попытался сравнить нас, но в итоге лишь выставил себя дураком, затеяв эту нелепую игру.

Госпожа Тан мгновенно утратила интерес к разговору.

Тан Гун посмотрел на дочь, сидевшую в деревянной бочке, и внезапно добавил:

— Впрочем, если умело воспользоваться чужим ножом, это может стать неплохой стратегией.

Глава 18. Кто слишком много думает (часть вторая)

Чжан Дашань вернул голубя в клетку, накрыл её чёрной тканью и, подняв голову, увидел, что Чу Шаоян, долго прождавший у ворот усадьбы Люму, возвращается ни с чем. В душе Чжан усмехнулся, но на лице изобразил дежурное беспокойство и спросил, что произошло.

Чу Шаоян с мрачным видом бросил:

— Не пустили.

Чжан Дашань машинально погладил чёрную ткань на клетке:

— Дождусь ночи и попробую ещё раз.

Чу Шаоян отмахнулся:

— Не нужно. У меня есть свой план.

Он развернулся, чтобы уйти, но Чжан схватил его за рукав.

Чжан Дашань был не в духе, так как не получил желаемого, и теперь всё вокруг его раздражало:

— Мы договорились с господином Ху о сотрудничестве, каждый должен был получить своё. Сейчас вы уже командующий, а Фу Сиянь всё ещё бегает живой и невредимый. Неужели вы с сотником решили убрать лестницу, как только перебрались через стену?

Чу Шаоян слегка нахмурился, но, обернувшись, уже улыбался:

— Брат Чжан, к чему такие слова? Перед отъездом дядя наказывал нам действовать заодно. Я просто не был уверен в успехе на все сто и боялся, что если ничего не выйдет, вы будете разочарованы. Хотел дождаться результата, чтобы потом обо всём доложить.

Чжан Дашань принял объяснение:

— Тогда говорите, как есть. Раз уж мы взялись за это дело, должны действовать сообща.

Чу Шаоян огляделся по сторонам и прошептал:

— Я отправил господину Тану письмо.

Тем временем Фу Сиянь и двое его спутников, покинувшие беседку Укуй, не знали, что Чу Шаоян уже у ворот усадьбы, и что, получив от ворот поворот, он не преминул нанести им удар в спину. Не знали они и о том, что Тан Гун, получив этот «нож», решил воспользоваться им для ответного удара.

Они только что попрощались с начальником стражи Таном. В груди теснились тысячи слов, хотелось выговориться, но страх, что у стен есть уши, заставлял общаться взглядами. Однако после долгого обмена многозначительными взорами они лишь обнаружили, что Чжоу Гэн-гэн плохо умылся, и никакой полезной информации не получили.

Фу Сиянь жалел, что нет мобильного телефона, чтобы создать чат.

По пути к гостевому двору они встретили Го Пина, который в тревоге расхаживал взад-вперед. Увидев их, он бросился навстречу:

— Вы наконец вернулись! Нас обокрали!

Фу Сиянь подумал: «В таком охраняемом месте? Неужели вор из своих?»

Всё было именно так, как сказал Го Пин: в комнате царил полный разгром, одежда и еда валялись на полу. Го Пин, боясь подозрений, суетился даже больше них:

— Я ушел варить лекарство, а вернулся — тут такое. Скорее проверьте, пропало ли что-нибудь.

Об этом Фу Сиянь не беспокоился: деньги и рецепты он хранил в водонепроницаемом кожаном мешочке при себе, жетон Цзиньвэй и подаренный Фу Сюанем магический колокольчик тоже были на месте. Опыт учил, что осторожность никогда не бывает лишней.

Чжоу Чжунсинь спросил:

— Вы видели кого-нибудь подозрительного?

Го Пин покачал головой:

— Нет, я спрашивал, никто не видел, чтобы кто-то входил или выходил.

Чжоу Гэн-гэн в ужасе вцепился в рукав брата:

— Это не человек? Может, это...

— А голуби? — Фу Сиянь, нагибаясь, чтобы поднять одежду, внезапно спросил: — Вы видели, чтобы летали голуби?

Го Пин замер, а потом просиял:

— Да, кто-то говорил, что слышал хлопанье крыльев!

Дело раскрыто. Фу Сиянь и Чжоу Чжунсинь вздохнули с облегчением: хорошо, что это не люди усадьбы Люму. Чжоу Гэн-гэн тоже выдохнул: значит, не привидение.

Фу Сиянь отмахнулся, сказав, что ничего ценного не пропало. Го Пин, видя их спокойствие, тоже успокоился и указал на стол:

— Я приготовил отвар, он еще горячий, пейте, пока не остыл.

Фу Сиянь кивнул, но пить не спешил. Где летают голуби, там нужно быть осторожным. Ладно если просто яд, а вдруг там птичий помет?

Заметив, что Го Пин стоит у двери, явно желая что-то добавить, Чжоу Гэн-гэн нетерпеливо вскинул брови:

— Говори прямо, не ломайся, как девица!

Фу Сиянь, складывая одежду, добавил:

— Девицы обычно ведут себя куда достойнее, не подставляя других.

Го Пин заискивающе улыбнулся:

— Я просто хотел спросить, как я справляюсь, и насчет той расписки на дом...

Чжоу Гэн-гэн ответил:

— Раз спрашиваешь, значит, воровские замашки не оставил. Забудь про расписку.

Проводив взглядом расстроенного Го Пина, Фу Сиянь сказал:

— На самом деле он нам немало помог. В следующий раз вернем ему расписку.

Братья Чжоу возражать не стали.

Они закрыли дверь и начали секретное совещание.

— Это точно был Чжан Дашань, искал доказательства, чтобы заставить его подписать признание!

Для них равенство «Чжан Дашань = голубь» стало аксиомой.

Чжоу Гэн-гэн добавил:

— Молодой господин, вы были правы! Пусть хоть землю перероют, ничего не найдут.

Фу Сиянь:

— Нам здесь еще жить, не стоит советовать им рыть землю.

Чжоу Чжунсинь сменил тему, заговорив о сегодняшнем банкете. Чжоу Гэн-гэн пожаловался:

— Я трижды ноги отсидел, пока в туалете прятался!

Беседка стояла посреди воды, место было опасным, и он остался на берегу прикрывать их.

Чжоу Чжунсинь заметил:

— Боевые искусства хозяина усадьбы непостижимы, он явно не прост.

Фу Сиянь подпер щеку рукой:

— Один стражник начал говорить, что он «Небе...», но его прервали. Кто бы это мог быть? Может, первый мастер в Поднебесной?

Чжоу Гэн-гэн округлил глаза:

— Неужели под личиной скрывается Владыка Небесного Зеркала или Дворца Бессмертия?

Фу Сиянь, поняв, что задал глупый вопрос, промолчал.

Чжоу Чжунсинь спросил:

— Может, «небесно одаренный»?

— Что тут скрывать? Не может же быть, что у него... не те органы одарены, — Фу Сиянь осекся и неловко почесал щеку.

Ладно, пора спать.

Это был редкий день относительного покоя с тех пор, как он вступил в ряды Гвардии. Он лежал на кровати, мечтая о том, как вернется домой, опишет отцу и дяде все свои страдания и вырвется из этого болота под названием Цзиньивэй. Потом устроит длинный отпуск, чтобы залечить душевные раны.

А затем направит всю энергию на заработок — нет, на технологический прогресс! Разработает новые сорта мыла, откроет магазин предметов роскоши под названием Сян-Ао-Да. Раздаст

листовки, объявит скидки, введет золотые и серебряные карты.

Закрыв глаза, он представил толпы клиентов, несущих деньги...

Укрывшись одеялом, он тихонько хихикнул и вдруг спросил:

— Как вам название Сян-Ао-Да?

Чжоу Гэн-гэн, уже начавший засыпать, встрепенулся:

— Кого ударить? Кого?

— Тебя! — холодно отрезал Фу Сиянь.

На рассвете явился господин Лян со своим ящиком инструментов... чтобы устроить побудку.

Чжунсинь и Гэн-гэн кое-как стащили Фу Сияня с кровати. Тот, обняв одеяло, сладко зевнул и снова рухнул на пол. Он не ленился, просто всю ночь в голове заседал совет директоров, и он был выжат как лимон.

Господин Лян был суров: приказал братьям уложить его правильно, сорвал одежду и начал ставить банки.

— Готово, — сказал он, отряхнув руки.

Фу Сиянь проснулся от жара. Открыв глаза, он увидел три лица, которые рассматривали его, словно микробы под микроскопом.

Фу Сиянь неловко почесал зад и спросил:

— Когда подействует?

— Никогда, — ответил Лян.

Фу Сиянь: «...» Не слишком ли вы честны для бесплатного врача?

Господин Лян снял банки. На нежной коже не осталось ни следа. Он помедлил и небрежно добавил:

— Но не волнуйтесь. Вчера хозяин усадьбы собрал нас на консилиум, и мы нашли нужное лекарство. Только... — он сделал паузу, обводя взглядом всех троих.

Те смотрели невинно, не желая подхватывать тему.

Господин Лян кашлянул:

— Это лекарство стоит очень дорого, не каждому по карману.

Чжоу Гэн-гэн не выдержал:

— Сколько?

Лян поднял три пальца.

— Тридцать таэлей? Так дорого?

— Три тысячи таэлей, — отрезал Лян.

Чжоу Гэн-гэн перестал дышать и уставился на Фу Сияня.

Фу Сиянь подумал: «Бесплатное — самое дорогое».

Но делать нечего. Он подбирал слова:

— Я знаю, что ваша усадьба — курорт высшего класса, но всему должна быть цена. Как насчет трехсот таэлей?

Лицо господина Ляна почернело. Он достал из-за пазухи кристально чистый белый флакон:

— Думаешь, я тебя обманываю? Бери в долг. Если не поможет, эти три тысячи я подарю тебе!

Видя его решимость, Фу Сиянь заколебался.

Лян открыл флакон. В лицо ударил жар, словно от сауны. Фу Сиянь понял, что вещь стоящая. Он высыпал пилюлю на ладонь — маленькая, черная, теплая на ощупь. Он понюхал её и подозрительно спросил:

— В составе нет железного порошка, активированного угля или вермикулита?

Господин Лян возмутился:

— Это Пилюля Девяти Солнц, созданная из редчайших ингредиентов! Если бы не щедрость хозяина, даже императорским особам её не достать! Будешь есть или нет?

Фу Сиянь улыбнулся:

— Я подумаю. Только проснулся, голова еще не варит.

Лян протянул руку:

— Тогда верни, подумаешь — скажешь.

Фу Сиянь достал банкноту в сто таэлей:

— Лекарство оставьте, это задаток.

Когда он ушел, Чжоу Гэн-гэн робко коснулся пилюли:

— И правда горячая.

Чжоу Чжунсинь спросил:

— Молодой господин, будете проверять?

Фу Сиянь вздохнул:

— Как? В соляной кислоте растворять?

Он мял виски. Его жизненная философия гласила: если кто-то внезапно проявляет заботу, значит, либо он мошенник, либо вор. Он не считал, что обладает таким обаянием, чтобы покорять людей с первого взгляда. Эта «забота» хозяина Тана была слишком странной.

Но не попробовать он не мог.

— Если хозяин Тан действительно благороден, как говорят, то пилюля поможет. Если же у него свои планы, то за этой пилюлей кроется нечто большее.

Чжоу Чжунсинь предложил:

— Пойти разузнать о нем?

Чжоу Гэн-гэн добавил:

— Я схожу к Го Пину, пусть поспрашивает.

Фу Сиянь покачал головой. Усадьба Люму стоит здесь годами, разве чужаки смогут разузнать правду за пару дней?

Он сел на кровать, поднес пилюлю к губам, понюхал, лизнул... и замер.

— Что случилось? — встревожился Чжоу Гэн-гэн.

— Проглотил, — Фу Сиянь схватился за горло. Слишком уж ловким оказался язык. Пилюля скользнула в желудок.

Братья бросились к нему, пытаясь помочь.

— Не надо... не надо, отпустите! — Фу Сиянь оттолкнул их.

Он сел в позу лотоса.

Впервые в жизни он почувствовал присутствие истинной энергии в своем Даньтяне.

Тонкой нитью... прерывисто... но это было по-настоящему.

Господин Лян сидел в беседке, попивая вино. Увидев братьев Чжоу, он спросил:

— Ну что, решили?

— Решили, — Фу Сиянь весело высунулся из-за их спин, выложил на стол десять банкнот по сто таэлей и с размахом заявил: — Заказываю еще десять!

Господин Лян остолбенел. В его голове пронеслось: «Как может существовать настолько бесстыдный человек!»

Он не согласился сразу, пошел к Тан Гуну.

Фу Сиянь думал: «Если бы он не хотел помочь, не дал бы пилюлю вовсе». Эти три тысячи — просто блеф. Хозяин Тан не только хочет помочь, он хочет получить от него огромный долг. Но эта помощь была ему так нужна, что он готов был принять этот расчет.

Вскоре Лян вернулся с пилюлями и даже не взял деньги. Фу Сиянь понял: Тан Гун сразу согласился.

Проводив Ляна, Фу Сиянь отбросил тревоги. Внутри него разгоралось пламя надежды — такое же горячее, как эта пилюля.

С семи до шестнадцати лет, целых девять лет — и вот впервые он почувствовал энергию.

Вернувшись в комнату, он, не раздумывая, принял вторую пилюлю.

Эффект превзошел ожидания. Энергия, до этого еле сочившаяся, превратилась в поток, который устремился по каналам согласно технике «Небесной Смешанной Энергии». Через несколько циклов он совершил прорыв на среднюю ступень Даньтяня.

Он открыл глаза. Мир стал четким, линии — объемными. Голоса братьев за дверью, которые раньше звучали глухо, теперь слышались отчетливо, до последнего слова.

Фу Сиянь глубоко вздохнул, сдерживая волнение, и достал третью пилюлю.

У него было предчувствие, что это еще не предел.

Может, действительно, его «холодная» конституция все эти годы мешала прогрессу? И теперь, когда оковы пали, накопленное за девять лет вырвалось наружу...

Братья охраняли его с рассвета до заката. Чжоу Гэн-гэн волновался:

— Сколько он уже принял? Почему так долго?

Чжоу Чжунсинь, знавший от отца о состоянии Фу Сияня, понимал, как трудно ему войти в медитацию, и прошептал:

— Это к лучшему.

Только он договорил, как из комнаты донесся глухой стук.

Они ворвались внутрь и увидели, что Фу Сиянь катается по полу, а его тело издает странный хруст, словно механизм.

Братья переглянулись в ужасе. Это был переход на стадию Укрепления Костей. Кости начинали закаляться энергией, превращаясь в сталь.

Но ведь утром он был лишь на начальной стадии! Пройти целый уровень за день? Даже гении из столицы не могли похвастаться такой скоростью.

Однако Фу Сиянь был не в лучшем положении. Энергия не накапливалась постепенно, и в критический момент её не хватило. Он завис в воздухе, как ведро на коромысле.

Чжоу Чжунсинь попытался помочь, приложив руку к его Дантьяню, чтобы передать энергию, но тут же почувствовал чудовищную силу притяжения.

— Отпусти! — крикнул Фу Сиянь.

Когда-то отец уже пробовал это, и чуть не выпил его досуха. Сейчас же сила всасывания была еще мощнее. Только собрав остатки собственной энергии, Фу Сиянь заставил Чжунсиня отпрянуть.

<http://bllate.org/book/19792/1950357>